

Лето, рыбалка, пирог, компот, стекло, треск, лампа, молодость, легко, труп, корыто, крик, ребенок, почка, луч, надежда, парик, летчик, чрезвычайно, поклажа.

Клякса

Васька в припрыжку шел по узкой луговой тропинке на рыбалку, впереди было все лето. И он собирался провести его в праздном безделье. По синему покрывалу над головой медленно котился

большой светящийся шар. Васька, прищурившись, взглянул на светило и тут же отвернулся. Определив время по солнцу, зашагал быстрее. Парень был в том возрасте, когда песчаный берег, теплая вода и плещущая в ней рыба манили больше сладостей, аттракционов и других развлечений.

Бросив свою поклажу на траву возле запруды, паренек стал искать приманку. Кроме червей, обнаружился пирог и термос с компотом, положенный туда заботливой бабушкой. Василий поморщился, «Вот еще», — подумал он, глядя на припасы. «Если что, я и сам могу себе приготовить. У меня даже лампа есть керосиновая», — размышлял он, забрасывая удочку. Лампа, — подарок деда, хранилась в тайном месте на лесном пригорке. Васька решил, когда наловит достаточно рыбы, обязательно достанет ее и приготовит настоящую уху.

В небе раздался треск, электрические разряды засверкали на темно-красном небе. Вася не успел, заметить, когда всё вокруг потемнело. Небо заволочило черными тяжелыми тучами, между которыми простреливали молнии. На краях горизонта виднелись голубые лоскуты, спешно поглощаемые мглой.

Парню стало не по себе. Он быстро смотал удочку, схватил маленькое трехлитровое ведерка с десятком мелких рыбешек и побежал к опушке.

Прятаться под деревьями во время летней грозы — плохая идея. Он бежал к своему тайному укрытию, лесному блиндажу, вырытому по всем правилам партизанской войны. Над его головой что-то натужно загудело. Рев усиливался с каждой минутой, Вася закрутил головой, пытаясь обнаружить источник шума, похожий на самолетный двигатель, работающий на максимальных оборотах. И он увидел самолет. Аппарат несся по небу, рассекая грозные тучи прямо на...

«Что это такое?», — думал Васька, глядя на черную извивающуюся кляксу, она то расплывалась, теряясь из поля

зрения на фоне облаков, то вновь собиралась в единое целое, чуть дальше от того места, где висела мгновение назад. Клякса двигалась по очень странной и замысловатой траектории, вытанцовывая между вспышками молний. Летчик направил свою боевую машину прямо в центр этого пятна.

Вася бежал так быстро, как только умел. Бежал туда, где купол парашюта скрылся за верхушками деревьев. Ведерко подпрыгивало, разбрызгивая воду, котомка больно была тяжелым термосом по спине, но он не обращал внимание на такие мелочи. «А если там труп», — думал он, приближаясь к цели.

Пилот качался в своем кресле, купол зацепился за верхушки сразу нескольких деревьев и порвался во многих местах. Кресло раскачивалось на стропах в метре от земли, повсюду были рассыпаны стекла, вывалившиеся из шлема летчика. Вдруг раздался крик, мужчина в кресле забился как пойманный воробей. Он беспорядочно замахал руками, тщетно пытаясь выбраться. Вдруг замер и мутным взглядом посмотрел на Васю.

— Р-ребенок, ты откуда здесь? Ты мне кажешься или ты настоящий?

— Настоящий, — с обидой в голосе произнес парень, — и я не ребенок.

— Кто же ты, — хрипло, пытаясь скрыть боль и страх, спросил подвешенный на стропах мужчина.

— Я Васька, местный. Вы дяденька с неба упали, ваш парашют в деревьях запутался. А я увидел, как вы падали и побежал.

— Слушай меня, Вася, это чрезвычайно важно, тебе надо позвать взрослых, предупредить их. Пусть позвонят на авиабазу, номер...

В небе что-то громко хлопнуло, будто взорвались сами облака. Волна света и звука рассеяли тучи, их буквально снесло. Голубое покрывало, чуть подернутое черными складками, возвращалось на привычное место. Но Васька этого не заметил, его взгляд был прикован к объекту. Прилипшая к небу клякса оторвалась, и стремительно падала на землю. По мере приближения кляксы к земле, в лесу начинало темнеть. Вверху ярко светило солнце, небо радовало глаз, но внизу все было иначе. Последнее, что он увидел сквозь верхушки отделанных деревьев, — громадное черное облако, с торчащим с боку искореженным истребителем.

Вася упал на землю, сумка врезалась в позвоночник, но он не произнес ни звука, земля дрожало под ладонями. Где-то вдалеке раздался тихий призыв: «Помоги». Пилот раскачивался под действием ударные волны как часовой маятник. Вася тут же вскочил на ноги, в кармане он всегда носил складной перочинный нож. Раскрыв его, Васька стал перебивать стропы. Лезвие легко перерезало прочные нейлоновые нити. Парень не учёл силу притяжения, — летчик не успел его предупредить. Когда последняя стропа справа была перерезана, кресло перевернулось и пилот с треском ударился головой об землю. От раскола черепа его спас только шлем.

«Ой, извините», — пролепетал Вася, пытаясь быстро перерезать другие стропы. «Не надо», — с нажимом в голосе попросил его Пилот, он нажал на кнопку, ремни автоматически раскрылись. Тело пилота рухнуло вниз, а кресло продолжило качаться над головой.

— Вы ранены? — с беспокойством спросил Вася.

— Почка, похоже я ее отбил. Эх, не свезло нам. Была надежда, что эта штука убралась восвояси.

— Что это было?

— Некогда объяснять, до города далеко? — Пилот разговаривал, лежа на спине.

— Километров 18 будет.

— А деревня?

— Три километра, не меньше.

Они замолчали, вязкая тьма опустилась на лес. Трудно было говорить, двигаться, трудно было дышать. Будто какой-то незримый темный луч выхватил их из освещенного пространства и погрузил во тьму.

— Я почти ничего не вижу, — заявил Пилот, — а ты?

— Я тоже, — поделился новостью Вася.

— Слава богу, а то я думал, ослеп.

— Что с погодой творится? Откуда это клякса в небе?

— Клякса? Ты это корыто так называешь? Хорошо, пускай будет клякса. Послушай, нам нужно убираться отсюда. Не знаю, смогу ли я долго идти. Три километра для меня сейчас слишком много. Есть тут какой-то овраг или место, где можно отлежаться?

— Есть, — прошептал Вася, слова давались ему с большим трудом, — еще как есть, у меня тут настоящий блиндаж, военный, по всем правилам сделанный. Пойдем, я покажу.

Они шли около часа. Неспешным шагом в обычный погожий денек до блиндажа можно было добраться минут за 5. Но в этом темном мареве им приходилось передвигаться буквально на

ощупь. Васька так и не бросил свое ведро с рыбой. Закрыв герметичной крышкой, он уложил свой улов в рюкзак. Путь к блиндажу знал только он, поэтому честь возглавить их маленький отряд выпало ему. О чем Ваське и сообщил летчик, назначив его временным командиром. Добравшись до места, Васька встал на четвереньки, начав спешно разгребать листья и ветки, набросанные на скрытый люк. Любой турист прошедший мимо в двух метрах, не заметил бы тайного лаза.

Они спустились вниз, военный неуклюже влез в маленький люк, кубарем спустившись с лестницы, на его счастье ступенек было немного.

Блиндаж в высоту один метр семьдесят сантиметров, — высокому военному пришлось слегка пригнуться, перемещаясь по внутреннему пространству.

Тут было уютно. На стене из деревянных брусьев прикреплена старинная тактическая карта. Красные и синие стрелки, по-видимому, указывали на наступление немцев и контратаки Красной армии.

«Эх, молодость!», — подумала пилот, глядя на этот военный трофей. Рядышком под картой на столе расположилась еще несколько явно военных предметов: пробитая каска, несколько патронов, ржавая пулеметная лента, ложка, губная гармошка, почти сплюснутая чашка. Отдельно от остальных вещей на красной бархатной тряпочке лежало украшение этой коллекции, — пробитая пулей фляга.

Парень зажег керосиновую лампу, в помещении стало чуточку светлее, — тьма отступила. Впервые за последний час они смогли свободно вдохнуть и выдохнуть.

— Ого, такое богатство насобирали, где же ты все это нашел?

— А в этом лесу и нашел, еще деда немного помог.

— У тебя и лампа трофейная, удивился летчик.

— Конечно, с гордостью ответил Вася, и вот еще что есть...

Он достал тот самый нож, которым резал стропы. Гравировка в виде орла выдавала в холодном оружии инструмент, которым

пользовались захватчики. Лезвия складного ножа все еще было острым.

— Дед у тебя молодец. Откуда же ты знал, где искать?

— Наш дедушка воевал в этих лесах. По правде сказать, это не я, а дед почти все и насобирал. Эти вещи достались мне по наследству. Блиндаж тоже дедушка помогал строить.

— А парик тебе зачем? — обратил внимание военный на искусственные волосы в углу помещения.

— А это мы... — застеснялся Вася, слегка покрывшись румянцем. — Это голубые волосы Посейдона, — повелителя морей. Я им наряжался на праздник Ивана Купала. Давно, маленький еще был.

Летчик тяжело опустился на землю, опершись спиной на одну из стен.

— Хорошо, — не весело улыбнулся военный. — Не найдется в твоём подземном царстве что-нибудь поесть? Что-то я совсем из сил выбился, готов даже твою сырую рыбу проглотить, если поделишься, конечно.

— Зачем сырое есть, — удивился Вася, можно пожарить. Прямо сейчас могу предложить пирожки и компот бабушкин, вкусный, из свежих фруктов!

— От компота не откажусь и пирожков домашних тоже, — с благодарностью принял подношения солдат.

Пока военные жевал, Вася тихо сидел в уголку и наблюдал за ним.

— Спрашивай, — обратился к пацану летчик. Вижу, что хочешь спросить.

— Кто они такие? — незамедлительно выпалил пацан.

— Они? — удивленно посмотрел на него летчик. — Кстати, меня Дмитрий зовут, извини, что сразу не представился, из головы вылетело.

— Вася, очень приятно, — представился мальчик, соблюдая правила вежливости. — Ну да, они, это клякса ведет себя как-то странно, разумно.

— Даже слишком разумно, ракета ей нипочем, все выпустил. Ничего не случилось.

— Зато вы ее достали, героически пошли на таран, — с ликованием заметил Василий.

— Какое там героически, все приборы отказали. Как летел, так и заклинило штурвал. Самолет герой, не я. Слушай, — перешел на шепот Дмитрий, — эта штуковина что-то делается с Землей, мы должны добраться до деревни. Нет, ты должен добраться. Я не смогу три километра пройти. А ты, может быть, проскочишь. Тебе, Василий, надо сообщить об этой аномалии в штаб!

— А мы можем тут подождать? — испуганно спросил Василий. — Тут всего ничего было идти, а мы час ползли. До деревни можно и к вечеру не добраться.

— Можем и подождать, только неизвестно сколько ждать. И что из этого получится. Может она этот лес поглотила. Обратил внимание?! Деревья какие-то мертвые стали и листья, и земля. Будто высосали из нее всю жизнь. Что, если эта штука на деревню или город поползет.

— Ладно, я попробую, — произнес шепотом Вася. Эта необычная тьма пугала его. — Только не знаю, хватит ли у меня сил. Вы правы, надо предупредить остальных, а лучше меня этот лес никто не знает. Разве что дед... Можно я лампу возьму, со светом не так страшно.

— Со светом говоришь, — заблестели глаза летчика. — Вася, да ты гений! Может получится, если не получится, хуже все равно не будет.

— О чем вы? — недоверчиво спросил паренек.

— Лето, жара, все высохло. Твоя керосинка здесь все подожжет. Тьма отступит и люди сюда прейдут, машины пожарные, милиция...

— Но это... — запнулся Вася. — это дедушкин лес, он за него сражался. Лес его кормил и от врагов укрывал, как можно его поджечь?

— Если для победы надо, то можно! — строго сказал военный. — Лес новый вырастет. Из пепла старых деревьев пробьются новые зеленые ростки, молодая поросль, которая продолжит борьбу за жизнь под чистым небом и горячим солнцем.

— А как же вы, если все загорится...

— Как же я... Вода тут рядом есть? Рыбу где ловил?

— Да тут запруда рядом. Раньше 12-15 минут до нее идти, а сейчас, кто знает...

— Придется тебе парень одному без света в деревню идти, а я тут с твоей керосинкой закончу, то что начал...

— И какой план? — с кислым выражением лица спросил парень.

— Да ты не куксись боец, прорвемся. Я с твоей керосинкой в миг с этой штукой разберусь, похоже, оно и вправду тепла или света боится. Я когда ракетами стрелял, клякса прямо испарялась вокруг двигателей.

— Тьма — свету не товарищ, — сказал Васька.

— Точно, молодец! Так вот... В запруде схоронюсь. Дыхательной маски нет?

— Нет, — развел руками парень.

— Может мне парик одеть, за Нептуна сойду?! — хохотнул Дмитрий.

— Не думаю...

— Точно, а вот ведро свое давай. Пригодится, дышать под ним буду, если совсем припекать станет.

— А рыбу куда?

— На пол бросай, все равно поджарится, а лучше закопай, фольга есть? Печеная будет, первый сорт! — военный поднял большой палец вверх.

— Где-то тут была, — Васька закрутился волчком, ища драгоценную фольгу, которую собирал после распаковки каждой шоколадки.

Материал был стратегический! Потому что шоколадки он видел редко, только на новый год, день рождения и летом, когда с дедом в город ездили. Фольга ровно сложенными листами лежала в специальной коробочке с другими драгоценностями, — щербатым стеклянным шариком, пионерским значком, деревянной пуговицей, негашеной маркой, жвачкой с Микки-Маусом, дореволюционной монетой, двумя стеклянными запонками и красивым деревянным цветком.

— Ну что, нашел?

— Да, сейчас несу, — пробубнил Василий, не оборачиваясь.

Ему не нравилось, что военный командует. Конечно, он взрослый и офицер, летчик...

Ваське было страшно, он не хотел больше возвращаться в липкую и вязкую тьму. В темный лес, который стал чужим, незнакомым и враждебным. Ему хотелось, чтобы люк раскрылся и в его тесный мирок ворвался дед со своей клюкой, и тогда... Тогда снова стало бы все как прежде. Дед знал бы как поступить, по умному... Ваське не нравился план. Из исторических книг он знал, что военные могут ошибаться, сильно ошибаться. В результате их ошибок могут страдать гражданские, природа, животные...

— Нельзя! — неожиданно для себя вскрикнул мальчик?

— Что нельзя? — удивился Дима.

— Тут же животных много, зайцы, там птицы всякие, — они же погибнут.

— Убегут, — уверенно заявил военный, отмахнувшись от парня окровавленной рукой.

Летчик уже вытащил из рюкзака парня жестяное ведро и чистил рыбу. Ловким движением он отрезал голову, разрезал брюшину и вытряхивал рыбы потроха с воздушным пузырем на

перевернутую крышку. И делал он это Васькиным немецким кортиком.

— Все равно нельзя, деревня рядом, а если она загорится, — парень сжал кулаки, и все тело его сжалось, сердце защемило. Он почувствовал вползающую тьму. Ощутил, как она физически вваливается через щели между неплотно пригнанными деревянными паленьями. С годами глина осыпалась, личинки и древесные жучки подточили древесину, образовав еле заметные щели. Васька знал, что они есть, но не стал заделывать, через щели летом приятно обдувал ветерок. Зимой блиндаж он не посещал. Васька пожалел о своей беспечности. Деревянная дверь плотно закрывалась, но щели, через них «клякса» могла проникнуть в их убежище.

— Люди быстрее животных убегут. Не дураки ведь. Ничего, государство все компенсирует и снова отстроит. Думаешь, лучше будет, если эта гадость до деревни доберется? Тогда уже никто не убежит, понимаешь?! — выплевывал слово за словом Дмитрий. Взгляд офицера был строгим.

— Понимаю, — обреченно согласился Васька, не находя других аргументов. — Надо тогда вещи спрятать.

Мальчик посмотрел на свой «алтарь», реликвии войны лежали ровными рядами, все, кроме ножа, пилот его взял без спроса. Васька с ненавистью посмотрел на военного, на его разорванную форму, местами в красных пятнах. Офицер выглядит как побитая собака, затравлено смотрел по странам, когда не глядел строго на Васю. Он вел себя как... Враг!

Тьма окутала щиколотки мальчика, медленно поднимаясь к коленям. Не осознавая себя, Васька сделал несколько механических шагов к «алтарю», офицер сидел на корточках справа, дочищая последнюю рыбешку. Парень старался двигаться так, будто он один в помещении, не смотрел в сторону солдата.

— Давай фольгу свою, — скомандовал офицер, не поднимая головы.

— А вы нож отдайте, — попросил Василий.

— Нож? Он острый, очень острый, знаешь, эта штука не игрушка. Он плохим людям принадлежал. А ты его таскаешь собой как безделушку. Ему место в музее или кабинете. А давай меняться, я тебе свой отдам, офицерский, — такие только летчикам дают. А ты мне этот?!

— Нет, — сказал насупившись Вася, упирая руки в бока, его нижняя губа предательски дрожала.

— Да пойми ты, я же как лучше хочу. Ты получишь настоящий офицерский нож, вместо этой гадости нацисткой, — солдат не сводил глаз с гравировки в виде орла на сверкающей поверхности ножа.

Тьма уже обволокла его спину, надела на плечи, подползая к голове. Мысли спутались, в отблесках ножа яркими вспышками проносились фрагменты битв. С начало последний бой, затем крайняя война, дальше...

Он увидел бой в лесу, лаяли собаки, отрывисто звучала немецкая речь, строчил шмайсер. Мальчик в коричневых штанишках присел возле дерева, в руках граната, проволока. На земле лежит нож в луже крови, натекающей с рыбы.

«Мальчик?! Откуда тут мальчик? Сын полка», — проноситься в голове обрывок мысли. «Готовит ловушку, сейчас гранату заложит, ножиком этим веточку обрежет, колышек сделает. Предатель, мерзавец, гадина нацисткая! — барабаном в мозге стучат обрывки мыслей.

По виску стекает кровь, жутко болит голова. «Это от удара керосинкой. Откуда здесь керосинка», — спрашивает себя солдат.

Рука мальчика тянется к ножу... Все как во сне, затянуто пеленой, темно, густо, тяжело дышать. Тьма горячая, плотная, густая, забивает ноздри, закрывает рот, проникает в поры... «Не дать мальчику схватить нож, не дать нож», — сверлит правую лобную долю навязчивая мысль. «Возьми, схвати, быстрее — бей, бей. Скорей, время уходит, бей!»

Тьма входит в блиндаж.

Мальчишка падает на правое колено, первый хватает нож. Пальцы смыкаются на блестящей фольге, швырнутой пацаном прямо в руки. «Рефлекс, машинально схватил», — проносится в голове непрощенная мысль. Пахнет керосином, сыростью...

Резкая боль пронзает горло. Что-то теплое льется на руки, колени, штаны промокают. Тепло все больше, ему становится дурно, тошнит, кружится голова, хочется спать.

Дима заваливается на бок и тих стонет. Звук выходит из его легких произвольно, толчками, как и кровь. Укол, еще один и еще, — цветки боли распускаются на его груди, опутывают своей невидимой сетью кожу. Грудь печет, затем она немеет.

Становится тяжело дышать, будто камнем сверху придавили. «Нет, не камнем», — думает пилот. «Бетон, холодный и безжизненный бетон сковал грудь, плечи, шею».

Странное небо возвышается над ним, серо-коричневое, с вкраплением зеленых пятен. На мгновение зрение становится четче, он видит бревна, торочащую между ними паклю, корни растений, зеленый мох и перепуганное лицо мальчика. Парень стоит чуть сбоку, сжимая окровавленный нож с орлом.

Две белые волны накатывают на реальность, зона обзора сужается по горизонтали. Остается только узкий туннель, невыразимо черный и глубокий. И свет. Яркий, обжигающий, колючий свет в конце туннеля. «Я иду к тебе», — проносится последняя мысль.

Васька уже не плачет. Он идет шаг за шагом преодолевая расстояние до дома. Сил совсем не осталось. Голодный, уставший, весь перепачканный в земле и в красном. Бабушка сильно ругаться будет. Но ему уже все равно. Он хочет в постель.

Ведро в рюкзаке, там же почищенная рыба. Керосинку не взял, гнутая она теперь. Деду скажет, что потерял. И в блиндаж... В

блиндаж теперь не ногой. Там вечным сном спит солдат. Рядом с ним старинная керосинка, на груди лежит нацистский складной нож. Он так его хотел...

Тьма отступила почти сразу. Страшная «Клякса» ушла, когда летчик раскинул руки. Ваське хотелось, чтобы он закрыл глаза, свои проклятые серые глаза, которые с неммым укором смотрели на него. С начало он не хотел подходить. Очень боялся, что очнется и ругаться будет. Погрузившись в свои размышления он даже не заметил, как отступила тьма. Как солнце вернулось в мир, защебетали птицы.

Когда понял, что все вокруг изменилось, прошло порядочно времени, но он все еще сжимал окровавленный нож. Как только Васька понял это, рука сама разжалась и холодное оружие упало на грудь офицера.

Что на него нашло, зачем он сделал это...

Ярость целой вселенной охватило его. Он схватил железку и что есть силу ударил мерзавца. Потом еще и еще, пока керосинка не выскочила из рук. Его не испугал вид крови на волосах, он ненавидел пилота всеми фибрами души, зато что преследовал его, травил противными волнами, стрелял огненными шарами.

Когда все кончилось, ему захотелось спать, и в то же время он ощутил себя легким как перышко, свободным от груза ненависти.

Раз оно ушло сразу после «этого», значит оно хотело только его...

Выходит, план военного спасал только его самого, — подумал Вася, подходя к дому. Я спас лес, животных, птиц, насекомых, может даже деревню или город?! Куда бы оно пошло за ним? На военную базу или...

— Где тебя носит? Дед уже собрался искать, — выскочила на двор бабка. — Бо-о-же-е, да где это ты так извадюкался, не чёрта похож. Вот дед сейчас тебе задаст трепку, ох он тебе сейчас по первое число всыплет.

Васька улыбнулся, впервые в жизни он боялся кого-то больше деда. Нечто такое, чего испугался пилот, да и любой другой на

его месте испугался, даже дед. Теперь у него была своя страшная тайна о жизни и смерти.

Альтернативная концовка (мальчик подчиняется):

— Мне без ножа страшно, я к нему привык, — канючил Василий,
— чувствует, тьма где-то рядом крутиться.

— Хорошо, отдам нож, когда мы встретимся снова, пока бери мой. Потом снова обменяемся, так по-честному?! — пилот пытается сдержать раздражение.

Своих детей у него нет, как вести себя с маленькими не знает. Раньше хватало просто приказать, ребятня во дворе выполняла любое распоряжение, а этот парень...

— Наверное.

— Теперь давай фольгу, есть чем ямку выкопать? Сейчас мы ее сюда положим и землей присыпем.

— А она тут точно спечётся?

— Конечно, тут температура ого-го будет, для этого и фольга.

— Тогда надо все забрать, — испугался мальчик.

— Что именно?

— Реликвии.

— А ты про эти? Закапай поглубже, да и все. Железки, ничего им не сделается.

Васька начал копать усердно и быстро, пот катился градом по щекам и шеи. Вырыв довольно глубокую ямку, принялся к процедуре «захоронения». Стоя на коленях, укладывал одну вещицу за другой, провожая каждую долгим взглядом. В эти моменты Васька вспоминал, когда впервые нашел или получил «реликвию». Карту и коробку с «сокровищами» он аккуратно положил в рюкзак.

Военный закопал рыбу и ждет, пока Васька закончит. Кажется, парень специально тянет время, действуя ему на нервы. Солдат хочет схватить пацана за шею, ударить пару раз головой о деревянную стену, чтобы дух вышибло, пырнуть ножом в печень...

«Так, стоп!», — думает солдат. — «Что за бред, зачем мне его в печень?». Летчик пытается разобраться в мешанине чувств и мыслей, ловя отблеск орла на лезвии ножа. «Наверное, сотрясение, головой повредился солдат», — говори сам себе Дима. «Ты эти мысли кончай, спрячь эту фигню в карман и больше не доставай. Пацану надо дать время», — принимает он решения, вставая с корточек.

— У тебя фонарик есть? — Спрашивает Дмитрий.

- Есть, только батарейки в нем не важнецкие, сели почти.
- Держи мой, сигнальный, специальный, бьет далеко, — говорит пилот, снимая с летного костюма плоский фонарик.
- Ух ты! — в первые за долгое время Васька проявляет неподдельные детские эмоции.
- Надо торопиться, — военный перешел на просительный тон, — время не ждет, кто знает, сколько до темноты осталось.

Безмолвный лес застыл, стих гомон птиц, ветки деревьев застряли в вязкой тьме. Вокруг все замерло и вымерло. «Клякса» словно растворилась заполнив видимое и невидимое пространство в тянущуюся жвачку.

Васька полз, подсвечивая дорогу фонариком, — так было легче пробивать дорогу во тьме. Казалось, он движется по дну болота, — так тяжело давалось малейшее движение, каждый вздох. Воздух с трудом заходил в легкие и таким же трудом покидал их. Он потерял счет времени.

За спиной трещало. Не оборачиваясь, он полз дальше. Треск нарастал. Тьма стала тоньше, Васька начал двигаться быстрее. К треску добавился новый звук, слабое шипение и тихие хлопки, — будто лопаются что-то от напряжения. Рядом с ним пробежало нечто на большой скорости. Ему показалось, что белка. Парень стал двигаться еще быстрее, активно работая локтями и коленями. В какой-то момент он почувствовал, что может встать. Обернулся на мгновение. За спиной разгорался пожар, мальчик втянул ноздрями воздух, запах дыма и гари забил легкие. Но даже им намного приятнее дышать, чем вязкой тьмой. Васька закашлялся, сплюнул и побежал. Тьма рассеивалась, свет и тепло пожара гнал её прочь из леса.

Через 20 минут Васька прибежал к порогу своего дома. Грязный с ободранными коленками и локтями, но счастливый. Ему удалось!

— Где тебя носит? Дед уже собрался искать, — выскочила на двор бабка. — Бо-о-же, да где это ты так извадюкался, не черта похож. Вот дед сейчас тебе задаст трепку, ох он тебе сейчас по первое число всыплет!

— Я... это... там... — от так хотел рассказать про пилота, землянку, рыбу и..., у него все вылетело из головы.

— Что там?

— Пожар, — выпалил Васька единственно слово, что пришло на ум.

— Ой лихо! Лихо! Дед, а дед, собирай людей. Пожар в лесу.

— Какой пожар? — выглянул дед из дома в одной длинной рубашке и носках. — Ах ты ж сорванец, на кого похож, вот я тебе сейчас уши надеру!

— Пожар, старый дурень, лес горит! Скорей, собирай мужиков, уши позже драть будешь! А ты чего строишь, беги до соседей, буди Мишку, пусть ведра да грабли собирает, надо деревню спасать, — прикрикнула бабушка на Ваську.

Вся деревня всполошилась, через десять минут на границе леса собралось двенадцать мужиков с лопатами, граблями, баграми и ведрами. Ваську в качестве наказания и для безопасности отправили помогать женщинам набирать ведра. Деревья стояли в нескольких метрах от крайнего хату. Женщины полевали деревянную стену, обращенную к лесу, лили на крышу и дорогу. Мужчины копали широкие борозды. Прибежало еще несколько местных с топорами, — рубить ближние к поселению деревья, чтобы огонь на них не перекинулся. В пожаре деревня могла сгореть за считанные минуты. От всего поселения осталось бы несколько дымящихся головешек, да кирпичные стены печей. Жителям повезло, ветер дул в сторону запруды. Две пожарные машины приехала через полтора часа. Огонь удалось победить за шесть часов. Уже смеркалось, когда последние угольки, весело подмигивая красным, тлели в десяти метрах от крайнего дома.

Ваську не наказали, все устали в этот день. Его отправили спать — «без разговоров». Он сам вымотался физически и

психологически. Ему хотелось подробно все рассказать, он даже успел сказать о пилоте бабке, но та отмахнулась, — «завтра дед разберется». Когда Васька второй раз за день увидел деда, тот уже выпил с мужиками. «Под горячую руку ему лучше не попадаться, а то как взгреет», — думал парень, чувствуя себя немного предателем. «Немного», потому что военный забрал его нож, любимый нож, самую большую ценность. Это было не справедливо и больше похоже на шантаж. Про офицерский нож забыл до утра, когда пришло время оправдываться.

Утром, стоя в одной майке и черных трусах-боксерах перед дедом и бабкой, Василий пытался связно рассказать всю историю. Ему не поверили. «Клякса», бой в лесу, пилот, пожар, — все это звучало фантастично.

Дед спрашивал его снова и снова, сначала строго, потому ласково и снова строго. Больше его интересовала керосинка и пожар. Васька чувствовал, что ему не верят. Он предъявил главные доказательства, — фонарь пилота и ножик. Дед с начало заинтересовался, но потом бабка предположила, что выменял, и интерес к уликам тут же пропал. Во время разбирательств в дом случайно зашел участковый, обсудить вчерашнее происшествие. Бабушка сама не заметила, как выболтала все....

К «допросу» подключился милиционер, он задал снова и снова одни и те же вопросы. Позже мужчины посоветовались и все пошли в лес. На «следственном эксперименте» настоял Васька. В полусгоревшей землянке обнаружилась закопанная рыба и «реликвии». К сожалению, рыба не запеклась. Дед тихонько спросил про нож, которого не оказалось в «домашней» коллекции артефактов войны. Васька сказал правду, ему снова не поверили. Дед считал, — паренек просто обменял его на новые вещи и теперь не признается. Бабка предполагала, что «плохой» мальчик надоумил его на поджог. И теперь Васька не хочет его выдавать, — выдумал какого-то военного.

На парня составили протокол и пообещали оформить в детской комнате милиции. От деда крепко досталось, так что Васька не смог сидеть два дня. Несмотря на несправедливое наказание, он все же выполнил своё обещание. Позвонил военным. С

начало попытался в справочной выяснять номер ближайшей летной базы, конечно ему его не дали. Пришлось схитрить и позвонить в летное училище. Дома телефона не было. Васька звонил с почты. Местные тетки, подслушивая разговор, подозрительно косились. Его считали хулиганом и виновником поджога. До этих событий он имел вполне приличную репутацию обыкновенного сорванца. Дежурному училища Васька сказал, что хочет узнать про своего знакомого, которой летает на МИГ-25, зовут его Дима, а базируется он в ближайшей летной части. Расчет был на то, что выпускник находившегося неподалеку летного училища, будет служить на ближайшем военном аэродроме. Ему повезло, собеседник дал совпадающее с пилотом описание и назвал его по фамилии — Егоровым. По той теплоте, с которой о Диме отзывался собеседник, Васька понял, что они знакомы, может даже приятели.

«Один раз повезло, почему не повезти еще раз? Должна быть вселенская справедливость. Его наказали не заслуженно, теперь в качестве компенсации ему должно везти хотя бы чуть-чуть», — рассуждал парень.

Вася все рассказ, и про самолет, и про ракеты, про вещи, которые получил от пилота. Тетки, искоса на него поглядывающие, не перебивали. Им самим было интересно, чем все закончится, хотя обещанная ему «минутка» уже давно кончилась.

«Я не вру», — закончил он последней фразой отчаявшегося. На той стороне несколько долгих секунд хранили молчание, потом пообещали проверить.

Толстые тетки стали требовать подробностей, одни откровенно хохотали, другие с робким смешком осаживали первых, просили не наседать на парня. Третьи, пряча улыбку, предлагали сладкий чай и сушки.

Через пять минут перезвонили. Пилот пропал, и не выходи на связь почти сутки. Военная часть отправила поисковый вертолет в указанную зону. В деревню направляется замначальника военной части. Парня просили никуда не уходить. Вежливый

голос на той стороне спросил, если рядом взрослые.
«Поверили!», — ликовал Васька, отдавая трубку.

Военные прибыли через два часа. К тому времени довольный парень, объевшийся сухек, с полным животом чая сидел на высоком деревянном стуле. Почтамп был совмещен с библиотекой и магазином. То и дело заходили местные, брали хлеб, чай, почитать. Выслушивали порцию новых сплетен, смотрели на него, иногда задавали уточняющие вопросы. Васька чувствовал себя героем кинофильма. Впервые он знал что-то такое по-настоящему важное, чего не знали все остальные.

Его посадили на задние сидение военного «козлика», — Васька в первый раз в жизни ехал в такой машине и ему нравилось. На машине въехали в лес, но далеко продвинуться не смогли из-за поваленных деревьев, пришлось идти пешком. Кроме штабной машины, их сопровождала военная «буханка» и два камаза с солдатами. Васька никогда не видел столько солдат в одном месте, многие смотрели на него, как ему показалось, с укором. Парню стало стыдно.

Васе не сразу удалось найти дорогу, сгоревший лес изменился, стал чужим и незнакомым. По пути мальчишка рассказывал про белку, про «Кляксу», про то как полз. Водитель, видимо, тоже офицер, смотрел на него скептически и бросил несколько фраз шепотом на ухо «ама. Часть фразы Васька услышал, — «...надышался, мозгом повредился». Васе стало неприятно.

Возле запруды старший офицер приказал рассредоточиться. Солдаты, шедшие сзади, разбрелись широкой линией с расстоянием в 2 метра друг от друга. Труп нашли через несколько минут, он лежал в пятидесяти метрах от запруды. Еще через десять минут нашли погнутую керосинку. На этом поиски закончились.

Василия оставили на несколько дней в покое. Через неделю приехал участковый с военным. Они разговорили с дедом и бабкой на кухне шепотом, но Васька все равно подслушал через щель в стенке с помощью граненого стеклянного стакана.

Погибший оказался военным. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, обнаружили переломы костей,

трещины в легких. Самолет не нашли. Парашют и личные вещи тоже. Следствие выдвинуло версию, что парень нанес удары керосинкой, украл вещи пилота и поджег лес, чтобы скрыть следу преступления. Бабушка не поверила, дед возмутился, но как с не охотой, вроде как для виду. После долгого и тяжелого разговора все согласились на психиатрическую экспертизу, пока ее не сделают, мальчик останется дома.

Экспертизу провели через 5 дней, как только было получено решение суда. «Очень быстро, по личной просьбе начальника военной базы», — так ему сказал сопровождающий офицер. «Экспертиза показала расстройство психики с...», — дальше Васька уже не слушал, что бабка шепотом читала в заключении, лишь последняя фраза донеслась до его сознания через несколько часов, — «шизофрения».

Мальчика почти сразу отправили в город. Через несколько месяцев он узнал, что дело «замяли», — так говорили взрослые. Вроде, самолет нашли без ракет, военные решили спустить эту историю на тормозах. Родители сошлись на мысли, — «Ребенок видел падение самолета, вызвавшее пожар, в лесу наглотался дыма, от этого у него временно помутился разум. Врачи ошиблись, теперь он полностью здоров. Военные врут, что самолет нашли в полутора тысячах километрах от леса. Пытаются скрыть, что ракеты где-то потеряли».

Васька сидел один в комнате, смотря как падают первые снежинки. Воспоминания, блокируемые до этой минуты сознанием, хлынули водопадом. Он вспомнил лицо военного, его подарки, землянку, обезглавленную рыбу и «это». Что «это» было? Почему оно ушло? Испугалось пожара, «Кляксу» спугнуло тепло или свет? Или оно ушло удовлетворившись смертью военного? Он боролся с тьмой? Откуда вмятины на керосинке и пробитый череп, летчик получил травму во время катапультирования или сам нанес себе увечье? Как он погиб и почему. Десятки вопросов вспенивали в его сознании и гасли. В руках он вертел складной нож. Единственный трофей, который ему удалось унести с поля боя.

К этому рассказу я написал две концовки, и оставляю их здесь обе. Какая лучше\правдивее, решит читатель.

